

УДК 130.2:316.7

DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-4-42-47

Б. В. ПОДРОГА

Институт философии РАН,
г. Москва

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ МНЕМОТЕХНИК БЕРНАРДА СТИГЛЕРА

Задача настоящей статьи — вкратце представить историю техник памяти, описываемую французским философом Бернардом Стиглером. Мы покажем, что Стиглер выступает с позиций гуманистического марксизма, утверждая, что позитивное развитие мнемотехник определяется их интеграцией в символические отношения, вне которых оно оказывается средством потребительского капитализма. История мнемотехник делится на два больших периода — доиндустриальный и индустриальный, где первый определяется доминированием религии, политики и культуры, а второй — законом прибавочной стоимости. Будет проанализировано стиглеровское понимание мнемотехник в качестве «эпифилогенеза» или «третьей памяти». Будут разобраны основные моменты мнемотехнической эволюции, начиная от появления первых начертаний на каменных орудиях и до сегодняшнего глобального цифрового ретенциального аппарата.

Ключевые слова: Бернард Стиглер, мнемотехники, третья память, эпифилогенез, филогенез, гипериндустриальная эпоха, символическое.

1. Введение. Французский философ Бернард Стиглер, наряду с Теодором Адорно, Максом Хоркхаймером, Гербертом Маркузе, Эрихом Фроммом, Юргеном Хабермасом и Жаком Эллюлем, находится в ряду левых критиков технической рациональности. В отличие от большинства упомянутых авторов, он жив и популярен в Европе и США. В России он известен не слишком широко в силу отсутствия переводов его крупных работ на русский язык. Бернард Стиглер — автор более трех десятков влиятельных монографий, посвященных теории технологий, среди которых наиболее известными являются его *work in progress*, «Техника и время» («*La technique et le temps*») (на настоящий момент в свет вышло три тома) и «Автоматическое общество» (*La Société automatique*). Стиглер чутко реагирует на многочисленные новинки в сфере ИТ (смартфоны от Apple, 3D печать, технологии использования больших данных). Кроме того, Бернард Стиглер является медийной фигурой, постоянно выступая в СМИ. Бросающейся в глаза чертой поздних публикаций и выступлений Стиглера является их критический пафос, который напоминает институционализированную французскую левую критику [1, с. 179]. Однако он имеет под собой оригинальные теоретические основания, завязанные на тезисе о сбое в логике развития технического разума, приблизительно датируемым рубежом XIX и XX веков.

Бернард Стиглер критикует современную технологическую рациональность с гуманистических позиций, что он неустанно подчеркивает в своих книгах 2000-х и 2010-х годов. В «Кинематографическом времени» (третий том «Техники и времени», «Символическая нищета», «Автоматическое общество», «Шоковые состояния», «Дискредитация и неверие») Стиглер связывает воздействие сегодняшнего витка научно-технической революции с разрушением символических систем, в которые он обобщенно включает высокое искусство, этические ценности, стили жизни, этничность, традицию, солидарность, способность к кооперации [2, р. 200]. Печатный станок был связан с логикой религиозного и политического просвещения, фонетическое письмо — с полисной греческой демократией, со второй половины XX века технологии уже соотносятся только с потребительским капитализмом. Последний порождает «символическую нищету» [3].

Стиглер видит собственную исследовательскую деятельность в качестве предпосылки деятельности общественной. Стиглеровский проект *Arg Industrialis*, представляющий собой попытку создать новую коллективность на основе переосмысления современных цифровых технологий, поиск локальностей, связанных со способностью апроприировать технологии через внедрение в них ландшафтной и этнокультурной специфики, критика глобальной

монетарной политики, проект социальной сети, альтернативной Facebook, в которой будут возможны только групповые аккаунты, имеющие право устанавливать собственные правила передачи информации, — все это аспекты стремления реформировать цифру, предполагающего подрыв позиций капитализма. По мнению Росса Абиннета, Стиглер сближается с левым акселерационизмом, согласно которому мы должны верить в трансформативную силу технологий и освоить новые формы коллективности, которые становятся возможными в силу существования синтетических тел, виртуальной среды и искусственного воспроизведения самосознания» [4, р. 2]. При этом все реформаторские планы Стиглера остаются лишь планами — занят он только теорией и историей медиа.

2. От филогенеза к эпифилогенезу. Эпифилогенез — это тип человеческой эволюции. Эпифилогенез — это техногенез, понятый в качестве генезиса мнемотехник. Троп «эпифилогенез» происходит от слова «филогенез», обозначающего историческую картину эволюции живых существ, и приставки «эпи-», обозначающей ситуацию «после-». Эпифилогенез — это, буквально, развитие, следующее за филогенезом. Эпифилогенез — это развитие неорганическое, присущее человеку. С точки зрения Стиглера, эволюция человека не является органической, но «пост-органической». Изменения в теле человека являются следствиями эволюции запоминающих устройств. В этом плане мы вправе сказать, что о человеке в собственном смысле слова мы говорим тогда, когда возникает «историческая преемственность», вместе с которой появляются типы производящего хозяйства (аграрное, индустриальное, информационное и так далее).

Тот факт, что неологизм «эпифилогенез» Стиглер образует от слова «филогенез», определяется аналогией между соответствующими процессами. Эпифилогенез играет для человека такую же роль, что и филогенез для животных. Последний не является чисто морфическим процессом. Он представляет собой процесс биологического наследования информации. В рамках филогенеза от животного к животному передаются инстинкты. Все животные — даже наиболее высокоразвитые — после своего рождения практически не нуждаются в обучении: они появляются на свет почти полностью сформировавшимися и способными действовать так же, как и взрослые особи. Их поведение зашифровано соматически — на уровне кода ДНК, что обеспечивает внутривидовую преемственность и определяет выживаемость вида. Животные, по Стиглеру, обладают второй памятью — врожденной генетической памятью в противоположность «неорганической памяти» (форма кристалла).

В случае с человеком мы видим обратную ситуацию — вся его память является чисто внешней, определяемой искусственными устройствами. Человеческая способность помнить является ограниченной: помимо того что в нем отсутствует врожденная память, его умственная память подвержена искажению, разрушению. Вот почему только искусственная память способна сохранить человеческий опыт. По словам Стиглера, искусственные коды возникают на месте сколлапсировавших генетических кодов, «продолжая их воздействие через тотальную реорганизацию кодирующих систем» [5, р. 138]¹. Все существующие формы преемственности, которые нельзя назвать техническими (культурная, религиозная, этическая), и воспроизводят-

ся за счет определенных записывающих устройств (например, пиктографического письма или алфавита) [5, р. 52]. Более того, Стиглер настаивает на том, что уже первые каменные орудия являются в некотором роде устройствами запоминания, поскольку предполагают передачу навыков труда. Итак, эпифилогенез предполагает генезис искусственной памяти (от простых орудий до компьютеров), который является строго экзогенным: память выносится за пределы тела (экстериоризуется) и воплощается в технических объектах разного уровня сложности.

3. Экстериоризация памяти. На протяжении шести тысяч лет эволюции человека эпифилогенез выстраивается в качестве прогрессирующей экстериоризации памяти. Каждый новый исторический период обнаруживает все большую дистанцию между человеческим телом и ретенционными аппаратами. В первой главе второго тома «Техники и времени» Стиглер воспроизводит схему антрополога Андре Леруа-Гурана, который выделяет четыре периода экстериоризации памяти: 1) речи, 2) письма, 3) картотек, 4) перфокарт и электронной памяти. Стиглер добавляет к этому цифровую память, в рамках которой наиболее важным, с точки зрения французского философа, является ее телекоммуникационный аспект: скорость и дальность передачи данных.

Так, к примеру, первобытные племена олицетворяют собой коллективные тела, внутри которых память заперта. Это речевые, дописьменные сообщества, где хранителями памяти являются шаманы, колдуны или вожди, передающие знания непосредственно (например, в обрядах инициации) через прямое вербальное высказывание. Возможность этой прямой передачи знания, определяющей возможность обучения, является условием выживания сообщества, за пределами которого оно является бесполезным. Жан-Франсуа Лиотар в работе «Состояние постмодерна» показал, что знание в архаических обществах является перформативным *par excellence*. Оно не имеет какого-либо отложенного пространства существования и существует только в актах наррации, не отличимых от повседневных практик [7, с. 55].

Письмо разделяется на два вида: пиктографическое (иероглифическое) и фонетическое (алфавитное). В центре внимания Стиглера находится фонетическое письмо, которое утверждало свое господство среди других мнемотехник на протяжении более чем двух тысяч лет. Пиктография, берущая истоки в макаронной живописи и породившая системы письменности восточных цивилизаций, была еще сложной и неопределенной и вдобавок слишком тесно связанной с религией и властью, чтобы стать общей системой памяти [8]. Фонетическое письмо уже в полной мере является таковой. При этом оно имеет сложную судьбу. В античную эпоху письмо воспринималось, прежде всего, в качестве записи речи, что, с одной стороны, позволило письму проявить свою *точность*, которой впоследствии стали подражать все последующие мнемотехники, но, с другой стороны, оно все же оставалось ее дополнением, вызывая к общению со знающим — авторитетом, носителем речи. Вспомним философские школы Античности, основанные на подобном общении. В Средние века ситуация почти не изменяется. Письмо обретает силу в эпоху Просвещения, когда появляется печатный станок и начинает распространяться печатная продукция. На этот период времени приходится бурное

развитие сферы общественного мнения и политической критики.

Период появления картотек датируется XVII—XVIII вв. и сопровождается развитием фонетического письма. Картотека — это упорядоченное собрание данных, которое может быть объединено различными темами. Картотеки — это обобщенное название для словарей, энциклопедий, аннотаций, научно-ссылочных аппаратов, аннотаций, библиографических описаний, списков литературы и так далее. Можно привести в пример французскую энциклопедию. К тому же порядку явлений относится появление больших полей для записок в издаваемых книгах. Бурно развиваются публичные библиотеки. Это процесс означает тенденцию в сторону демократизации коллективной памяти, которая предоставляет любому грамотному человеку обширные возможности для извлечения компетенций, заложенных в тексте.

Период возникновения перфокарт уже относится к индустриальной революции. Перфокарты — это уже не просто запись информации, но автоматический алгоритм, определяющий способность к действию для машины. Перфокарты изначально представляли собой картонные карточки, на которых содержалась программа работы для ткацких станков Жаккарда. Еще в начале второй половины XX в. перфокарты использовали для программирования ЭВМ. И, наконец, пятый период связан с появлением графического пользовательского интерфейса персональных компьютеров и Интернета и виртуальных банков данных.

4. Прогрессия «ортотетичности». Итак, когда мы начинаем изучать стиглеровскую историю ретенциальных аппаратов, то мы сталкиваемся с ее определением в качестве орфографического века (*l'Ère de l'Orthographe*). Понятие орфографии Стиглер воспринимает в значительно более широком смысле, нежели чем науку о правописании или даже науку о письме. Оно отсылает к логике достоверности и точности передачи информации — этой одержимости западного *ratio*.

По Стиглеру, начиная с Античности западноевропейская рациональность определяется культом точности, достоверности и однозначности, тем, что он называет ортотетичностью (*orthothèses*). Ключевым агентом ортотетичности является фонетическое письмо [9, p. 32]².

Схожий тезис выдвинул в 1968 году Маршалл Маклюэн, показав, что в эпоху Римской империи фонетический алфавит был наиболее эффективным способом передачи приказа на большие расстояния, поскольку исключал двусмысленность [10, с. 93—94].

Стиглер прослеживает усиление ортотетичности, сопутствующее появлению новых технологий. Так, печатное слово обладает еще большей точностью, чем письменное, ибо последнее зависит от индивидуальных особенностей письма и нуждается в институте каллиграфии. Фотография дает большую достоверность изображения, чем живопись, а кинолента — еще большую, чем фотография. Запредельно высокий уровень ортотетичности имеет цифровое телевидение, транслирующее высококачественное звуковое изображение в реальном времени. Очевидно, что усиление ортотетичности определяется добавлением технических возможностей к все более совершенной симуляции многообразия аспектов чувственности — слов, вещей, пространства, движущихся образов и т.д.

Одним из главных аспектов теории мнемотехник Бернарда Стиглера является неожиданное следствие ортотетичности: различие. Дело в том, что точность передачи информации предполагала ее интерпретацию, без которой она не имеет никакого смысла. Определенность информации уже предполагает движение появления бесчисленного числа интерпретаций: «...обретенная буквальная текстуальность памяти производит различия в бесконечном количестве возможных интерпретаций: чем более память идентифицируема, тем более она выявляет парадокс различия: чтение высказывания всегда производится в контексте, предопределяющем его интерпретацию (но здесь она отнюдь не таковая). Идентификация «производит» различие. <...> Напротив, уверенность в том, что было сказано, и возможность его прочесть вновь (переслушать) в *грубых* контекстах ставит его в *кризисное* положение: на поверхность выходит время *критики* — и так называемых рациональных знаний, в пространстве, которое быстро становится *политическим* и, в конечном счете, является *историческим временем* в строгом смысле этого слова» [11]. Итак, мы видим, что пространственная граница порождает время. Техническое вызывает к жизни символическое.

5. Роль символического. Итак, Стиглер сопрягает эпифилогенез со сферой символического. Символическое играет стабилизирующую роль, подчиняя техническое человеческому. Техническое может реализовать свой позитивный, «прометеевский» аспект, если оно подчинено символическому, т.е. социальному, политическому, религиозному или аксиологическому.

Начиная с Античности инновации в сфере техники письма происходят довольно редко (от алфавитного письма к печатному станку). Эти инновации срачивались с культурными, политическими религиозными и социальными отношениями, которые накладывали на них определенные ограничения, хотя и сами подвергались их влиянию. Так, фонетическое письмо неотделимо от полисной демократии, Реформации, делиберативного разума английского и французского просвещения.

В первом томе «Дискредитации и безверия» Стиглер приводит в пример протестантскую этику Макса Вебера. Согласно Веберу, известный манифест Бенджамина Франклина, где тот дает советы по накоплению капитала, на первый взгляд кажется манифестом алчности, в действительности является выражением особого этического императива, в рамках которой «не приобретательство служит существованию, но существование человека направлено на приобретательство, которое становится целью его жизни» [12, с. 75]. Вебер показывает, что накопление оказывается следствием трансцендентных этических мотивов, не связанных с личным обогащением, укорененных в особом характере веры. Речь идет о том, что Вебер, ссылаясь на Лютера, называет призванием (*Beruf*), согласно которому путь к спасению лежит через мирские дела. Для Стиглера этот веберовский пример важен тем, что он иллюстрирует специфические символические границы, внутри которых разворачивается предпринимательская деятельность. Для Стиглера она показывает внутреннюю взаимосвязь между тем, что он обозначает латинским термином *otium* и его отрицательной формой, *negotium*. Согласно Стиглеру, *otium* — это рефлексивная активность, через которую индивид конституирует себя как часть симво-

лического порядка социального целого [13, р. 121, также см: 4, р. 43–44]. Жизнь человека связывается с идеальными объектами, которые делают его способным выступать в качестве члена этической общности. *Negotium*, наоборот, предполагает чисто инструментальную активность. На практике *otium* и *negotium* не могут быть отделены друг от друга, хотя последний в более поздние периоды получает уже чисто коммерческое измерение.

6. Гипериндустриальная эпоха. Как мы уже отметили, Бернар Стиглер относится к левым теоретикам, наследуя франкфуртской школе и итальянским постопераистам. Обретения техникой отчуждающего характера через встраивание ее в капиталистические отношения — один из ключевых тезисов их критической повестки. При этом Стиглера нельзя назвать полноформатным левым, поскольку он не проводит связь между индустриальным капитализмом и предшествующими формами эксплуатации. По Стиглеру, формирование капиталистических отношений идет рука об руку с индустриализацией. Причем со временем все более влиятельным становится тот ее сегмент, который связан с развитием техник хранения и передачи информации. Причем для Стиглера, как и для большинства неомарксистов, значим не столько сам факт эксплуатации, сколько тотальное подчинение мнемотехник экономике.

Часто говорят, что в послевоенный период начинается информационная революция. Помимо того что она предполагает целый ряд научно-технических открытий и их интеграцию в повседневную жизнь человека, она знаменует появление так называемой информационной экономики, которая характеризуется тремя аспектами: 1) переход от материального труда к нематериальному, 2) демассификация производства, 3) событизация.

Как и большинство левых авторов, Стиглер критикует переход к новому типу производства, который знаменитый американский социолог Дэниел Белл связал с футуристическим образом постиндустриального общества. В работе «Грядущее постиндустриальное общество» Белл описал послевоенную трансформацию западной экономики, где все большую роль играла «сфера услуг», под которой Белл понимал широкий круг видов производства: здравоохранение, образование, культуру, отдых и досуг. Так, на ранних этапах в связи с общим подъемом промышленности идет активное развитие транспортных артерий и общественных служб. Далее на этапе подъема массового потребления происходит рост «сфер распределения (оптовой и розничной торговли) финансов, операций с недвижимостью и страхования» [14, с. 171]. И, наконец, на последнем этапе расширяется индустрия развлечений (путешествия, спорт, кино, театры, музеи и так далее). Однако, в отличие от Белла, Стиглер видит в этой «интеллектуализации» производства скорее коммодификацию сферы символического, что ведет к кризису третьей памяти [3, р. 6].

Через шесть лет после того, как в США вышла упомянутая книга Белла, на континенте выходит небольшое сочинение Жана-Франсуа Лиотара под названием «Состояние постмодерна». Часто забывают, что эта книга была вдохновлена работой Симона Нора и Алана Минка «Компьютеризация общества». Работа представляла собой доклад, посвященный радикальной трансформации в сфере информатики, связанной с переходом к компьютерам четвертого поколения. Если вычислительные

машины первых трех поколений были громоздкими и дорогими машинными комплексами, которые могли позволить себе лишь правительственные организации и крупные компании, то компьютеры четвертого поколения — это современные персональные устройства, которые были небольшими недорогими, но при этом более функциональными. Они могли приобретаться отдельными людьми и использоваться для самых разнообразных целей — вычислений, игр, работы с изображениями и текстами, а также для хранения значительных объемов информации. Кроме того, компьютеры могли объединяться в локальные сети. После появления персональных компьютеров — а в скором времени и Интернета — кибернетическая среда окончательно утратила вид централизованной структуры, функционирующей в соответствии с жестко заданными алгоритмами (пакетная обработка данных) и становится сетью — планетарной открытой машиной. По Стиглеру, последняя и оказывается технологическим субстратом гипериндустриальной эпохи.

Еще одним важным процессом, происходившим одновременно с развитием вычислительной техники, был процесс «демассификации средств массовой информации». Э. Тоффлер (автор данного термина) показывает, что этот процесс связан с локализацией и индивидуализацией потребления, при котором начинают терять популярность центральные газеты, телеканалы и радиостанции и появляются новые — более мелкие и учитывающие специфические вкусы потребителя: «Тинэйджеры, аквалангисты, пенсионеры, женщины-легкоатлеты, коллекционеры старых фотоаппаратов, любители тенниса, скейтбордисты — все имеют свою прессу» [15, с. 207]. Время массового общества проходит, общество становится дифференцированным, крайне гетерогенным, что заставляет экономику перестраиваться, становиться серийной, штучной, всячески подчеркивать и предвосхищать «индивидуальность и неповторимость» предполагаемого клиента.

Мы видим, что стиглеровское понятие гипериндустриальной эпохи не является оригинальным. В нем он лишь связывает три описанных аспекта современной социо-технической среды с учетом сегодняшней цифровизации. Результатом этого оказывается понятие «событизации» (*l'ivinementalisation*). Первая весточкой событизации стала история двух инвесторов из Бордо в 1836 году, которые дали взятку чиновнику и получили доступ к оптическому телеграфу Шаппа, что позволило им раньше других узнать о том, что цена собственности в Бордо ниже, чем в Париже, и за счет этого невероятно разбогатеть [9, р. 124].

Стиглер подчеркивает, что в этом случае имела место не инвестиция в недвижимость, а инвестиция в мгновенное телекоммуникационное время, которое Стиглер называет «световым». С точки зрения Стиглера, все описанные выше трансформации технологий являются развитием событизации. К примеру, сочетание демассовизации и цифровой телематики порождают «плавающую идентичность». Речь идет не просто о том, что субъект, утверждая свою индивидуальность в противоположность неким стандартам, а в том, что эта индивидуальность может непрерывно изменяться в условиях быстрой виртуальной коммуникации. И всякий раз эта индивидуальность оказывается востребованной настолько, насколько она является выгодной экономической инвестицией. Подобно неожиданным лазейкам,

открывшейся дельцам XIX века, идентичность является тем, во что можно выгодно вложиться. Таким образом, сила и освободительные возможности сетевых технологий оказываются, по Стиглеру, добычей капитализма и нуждаются в изобретении путей их освобождения.

7. Заключение. Итак, в настоящей статье мы рассмотрели историю мнемотехник, представленную в работах Бернарда Стиглера, представляющую собой прогрессирующую экстериоризацию человеческой памяти. Начиная от палеолитических рисунков и заканчивая цифровыми технологиями человечество, согласно Стиглеру, стремилось к тому, чтобы найти как можно более надежные формы фиксации и воспроизведения своей памяти во внетелесных пространственных формах. Согласно Стиглеру, этот процесс обусловлен самой природой человека, чья память не является генетически закодированной и потому нуждается во внешнем носителе. Последовательная экстериоризация памяти является одним из важнейших аспектов всемирной истории, активно влияя на разнообразные общественные, политические, культурные и эстетические формы: пиктография связана с Великими цивилизациями Древности, фонетическое письмо с эпохой Просвещения, а индустриальное производство — с реформацией. Современная эпоха (XX—XXI вв.) определяется, с точки зрения Стиглера, серьезным кризисом, где возникновение самых прогрессивных в истории технологий памяти — глобального цифрового ретенциального аппарата, порождаемого взаимодействием всех существующих в мире телематических устройств, аппарата, открывающего доступ ко всему накопленному человечеством знанию, подчинено потребительскому капитализму. Таким образом, возможности этого наиболее могущественного технического устройства оказываются укоренены в марксистской перспективе «изменения мира», которая, однако, кажется не слишком определенной.

Примечания

¹ В этом вопрос Стиглера занимает конвенциональную позицию: эпифилогенез начинается с появлением неантропа, человека разумного. Но почему именно человек разумный, а не, к примеру, неандертальцы или поздние питекантропы, ведь известно, что последние активно изготавливали орудия, использовали огонь и обладали речью? Здесь Стиглер ссылается на французского антрополога Андре Леруа-Гурана, который указывает на то, что технический прогресс всех людей, предшествовавших кроманьонцам, еще было трудно четко отделить от их биологической эволюции (рост головного мозга и особенно увеличение префронтальных зон коры), тогда как после появления *homo sapiens* мы видим резкое ускорение технического прогресса, при замедлении развития мозга (человек, живущий сегодня, биологически почти ничем не отличается от кроманьонца, жившего 50 000 лет назад). Этот момент озаглавлен началом активного использования кремния и т.н. «макаронной живописи» [например, см.: 6, р. 116].

² Генеалогически первым носителем достоверности было число. Однако на момент его появления сфера его применения ограничивалась лишь определением количества материальных предметов. Тем не менее, ссылаясь на Жана Боттеро, Стиглер показывает, что оно, точное числовое мышление, ока-

зало влияние на формирование буквенного алфавита [подробнее см.: 9, р. 61].

Библиографический список

1. Кралечкин Д. Разум и глупость в цифровую эпоху // *Логос*. 2013. № 3 (93). С. 178–187.
2. Stiegler B. *Le Technique et le Temps 3: Le temps du cinéma et la question du mal-être*. Paris: Galilée, 2001. 256 p. ISBN 9782718605630.
3. Stiegler B. *Symbolic Misery*. Cambridge: Polity Press, 2014. 118 p.
4. Abbinnett R. *The Thought of Bernard Stiegler: Capitalism, Technology and the Politics of Spirit (Media, Culture and Critique: Future Imperfect)*. London; NY: Routledge, 2017. 206 p. ISBN 0415793815; 978-0415793810.
5. Stiegler B. *Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus*. Stanford: Stanford University Press, 1998. 316 p. ISBN 9780804730402.
6. Leroi-Gourhan A. *Gesture and Speech*. Cambridge, MA: MIT Press, 1993. 454 p. ISBN 9780262121736.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с. ISBN 5-89329-107-7.
8. Стиглер Б. Дух просвещения в эпоху философской инженерии // *Художественный журнал*. 2018. № 106. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/81/article/1775> (дата обращения: 15.06.2020).
9. Stiegler B. *Le Technique et le Temps 2: La désorientation*. Paris: Galilée, 1996. 288 p. ISBN 9782718604688.
10. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. 2-е изд. М.: Кукушко Поле, 2007. 462 с. ISBN 978-5-901679-58-6.
11. Стиглер Б. Время чтения и новые инструменты памяти // *Сигма*. URL: <https://syg.ma/@tresk/biemarkar-stighliervriemia-chtieniia-i-novyie-instrumenty-pamiati> (дата обращения: 15.06.2020).
12. Вебер М. *Избранные произведения* / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 804 с. ISBN 5-01-001584-6.
13. Stiegler B. *The Decadence of Industrial Democracies*. Cambridge: Polity Press, 2011. 194 p. ISBN 978-0-745-64810-1.
14. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования* / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004. 783 с. ISBN 5-87444-203-0.
15. Тоффлер Э. *Третья волна* / пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова [и др.]. М.: АСТ, 2009. 795 с. ISBN 978-5-17-062498-0.

ПОДОРОГА Борис Валерьевич, кандидат философских наук, младший научный сотрудник сектора социальной философии.

AuthorID (РИНЦ): 991480

ORCID: 0000-0003-0057-9457

ResearcherID: Q-8691-2017

Адрес для переписки: boris.podoroga@gmail.com

Для цитирования

Подорога Б. В. Краткий очерк истории мнемотехник Бернарда Стиглера // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2020. Т. 5, № 4. С. 42–47. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-4-42-47.

Статья поступила в редакцию 28.08.2020 г.

© Б. В. Подорога

ESSAY ON BERNARD STIEGLER'S HISTORY OF MNEMOTECHNICS

The purpose of this article is to present history of memory techniques as it described by French philosopher Bernard Stiegler. It is shown that Stiegler speaks from the point of view of humanistic marxism arguing that the positive development of mnemotechnics is determined by their integration into symbolic relations, outside of which they becomes a means of consumer capitalism. History of mnemotechnics is divided on two large periods — preindustrial and industrial, where the former is determined by the dominance of religion, politics and culture, and the latter — by the law of surplus value. It is analyzed Stiegler's understanding of mnemotechnics as «epiphylogenesis» or «third memory». The main features of mnemotechnical evolution, from the first inscriptions on stone tools to today's global digital retentional apparatus, is reviewed.

Keywords: Bernard Stiegler, mnemotechniques, «third memory», epi-philogenesis, phylogenesis, hyperindustrial age, symbolic.

References

1. Kralachkin D. Razum i glupost' v tsifrovuyu epokhu [Reason and stupidity in the digital age] // *Logos. Logos*. 2013. No. 3 (93). P. 178–187. (In Russ.).
2. Stiegler B. *Le Technique et le Temps 3: Le temps du cinéma et la question du mal-être*. Paris: Galilée, 2001. 256 p. ISBN 9782718605630. (In French).
3. Stiegler B. *Symbolic Misery*. Cambridge: Polity Press, 2014. 118 p. (In Engl.).
4. Abbinnett R. *The Thought of Bernard Stiegler: Capitalism, Technology and the Politics of Spirit (Media, Culture and Critique: Future Imperfect)*. London; NY: Routledge, 2017. 206 p. ISBN 0415793815; 978-0415793810. (In Engl.).
5. Stiegler B. *Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus*. Stanford: Stanford University Press, 1998. 316 p. ISBN 9780804730402. (In Engl.).
6. Leroi-Gourhan A. *Gesture and Speech*. Cambridge, MA: MIT Press, 1993. 454 p. ISBN 9780262121736. (In Engl.).
7. Lyotard J.-F. *Sostoyaniye postmoderna [La condition postmoderne]* / Trans. from French. N. A. Smatko. St. Petersburg, 1998. 160 p. ISBN 5-89329-107-7. (In Russ.).
8. Stiegler B. *Dukh prosveshcheniya v epokhu filosofskoy inzhenerii [The enlightenment spirit in the era of philosophical engineering]* // *Khudozhestvennyy zhurnal. Moscow Art Magazine*. 2018. No. 106. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/81/article/1775> (accessed: 15.06.2020). (In Russ.).
9. Stiegler B. *Le Technique et le Temps 2: La désorientation*. Paris: Galilée, 1996. 288 p. ISBN 9782718604688. (In French).
10. McLuhan M. *Ponimaniye media: vneshniye rasshireniya cheloveka [Understanding media: the extensions of man]* / Trans. from Engl. V. G. Nikolayev. 2nd ed. Moscow, 2007. 462 p. ISBN 978-5-901679-58-6. (In Russ.).
11. Stiegler B. *Vremya chteniya i novyye instrumenty pamyati [Reading time and new memory tools]* // *Sigma. Sigma*. URL:

<https://syg.ma/@tresk/biarnar-stighlier-vriemia-htieniia-i-novyye-instrumenty-pamyati> (accessed: 15.06.2020). (In Russ.).

12. Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya [Selected works]* / Trans. from Ger. Moscow, 1990. 804 p. ISBN 5-01-001584-6. (In Russ.).

13. Stiegler B. *The Decadence of Industrial Democracies*. Cambridge: Polity Press, 2011. 194 p. ISBN 978-0-745-64810-1. (In Engl.).

14. Bell D. *Gryadushcheye postindustrial'noye obshchestvo: opyt sotsial'nogo prognozirovaniya [The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting]* / Trans. from Engl., Ed. V. L. Inozemtsev. Moscow, 2004. 783 p. ISBN 5-87444-203-0. (In Russ.).

15. Toffler A. *Tret'ya volna [The Third Wave]* / trans. from Engl. K. Yu. Burmistrov [et al.]. Moscow, 2009. 795 p. ISBN 978-5-17-062498-0. (In Russ.).

PODOROGA Boris Valerievich, Candidate of Philosophical Sciences, Junior Researcher of Social Philosophy Department.

AuthorID (RSCI): 991480

ORCID: 0000-0003-0057-9457

ResearcherID: Q-8691-2017

Address for correspondence: boris.podoroga@gmail.com

For citations

Podoroga B. V. Essay on Bernard Stiegler's history of mnemotechnics // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2020. Vol. 5, no. 4. P. 42–47. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-4-42-47.

Received August 28, 2020.

© B. V. Podoroga